

УДК 811.161.1'35

«Реформа языка», «новая орфография» и «кофе среднего рода»: что происходит на самом деле?

Продолжаем отвечать на вопросы, поступающие в адрес Российской книжной палаты (РКП) и посвящённые актуальным проблемам нашей отрасли.

Многих отечественных книжников, профессионалов и любителей, тревожит состояние нормативно-законодательной базы книжного дела. И речь идёт не только о тех законах, которые принимаются Государственной Думой.

Большая часть книг в нашей стране пишется и печатается на русском языке. Именно его законы, его роль и функционирование волнуют многих любителей книги и чтения. Мы понимаем, что с развитием способов коммуникации, с увеличением количества СМИ читателям и пользователям становится всё труднее ориентироваться в потоке информации, не всегда проверенной, иногда противоречивой и часто ошибочной. В этом выпуске рубрики «Запрос — ответ» мы собрали наиболее частые вопросы о состоянии русского языка и постарались дать необходимые разъяснения.

Уже не первый год в отрасли и во всём нашем обществе ходят слухи о «языковой реформе», которая якобы состоялась или вот-вот должна состояться в России. Эта тема особенно тревожит издателей: *«В 2020 году председатель Правительства РФ объявил реформу русского языка. Значит ли это, что все книги придётся печатать*

по новым правилам, и кто будет разрабатывать эти правила?»

Нет, не значит и не придётся! Разработка каких-либо новых правил орфографии русского языка в настоящий момент не планируется. Мало того: мы можем с уверенностью сказать, что никакой «реформы языка» вообще *никогда* не будет. Дело в том, что язык — это знаковая система, которая формируется и развивается по объективным законам. Их невозможно изменить по чьему-либо распоряжению, как невозможно реформировать климат, отрегулировать скорость света и отменить всемирное тяготение.

Нельзя «реформировать язык», но можно реформировать орфографию, т. е. правописание: конкретизировать те или иные правила, унифицировать какие-либо грамматические элементы, отказаться от явно устаревших единиц, и это было сделано в нашей стране чуть больше ста лет назад. С тех пор *орфографических реформ* в нашей стране *не проводилось*.

Поскольку реформа правописания волнует многих наших читателей, расскажем об истории и содержании этого вопроса подробнее.

Прежде всего отметим, что реформа может быть названа «советской» лишь по времени исполнения (1917–1918 гг.), да и то частично. Её основные положения были подготовлены ещё при царском режиме, а именно — к 1904 г., когда Орфографическая подкомиссия Императорской Академии наук под председательством академика А. А. Шахматова представила письменное «Предва-

рительное сообщение» о возможных орфографических изменениях. После совещаний и обсуждений в академических комиссиях документ был одобрен, в 1911 г. Академия наук приняла специальное постановление... но фактическое объявление реформы состоялось только в 1917 г., в середине мая, когда Временное правительство опубликовало «Постановление совещания по вопросу об упрощении русского правописания». И уже при советской власти, в декабре 1917 г., декретом за подписью А. В. Луначарского, наркома просвещения, «всем правительственным и государственным изданиям» было предписано перейти на новую орфографию. Поэтому вполне академическая реформа была воспринята как «большевистская», и многие деятели культуры противодействовали ей.

Наиболее заметное новшество состояло в том, что из состава русского алфавита было исключено несколько букв, а вслед за этим изменились некоторые правила написания слов и выражений. Например, отменили букву «ять» (Ѣ), «фиту» (Ѧ), «и десятиричное» (Ѧ), потому что ни по произношению, ни по функциям они уже давно не отличались от «е», «ф» и обычного «и» соответственно. Забавно, что реформаторы забыли про «ижицу» (Ѣ), хотя и устаревшую, но ещё кое-где функционировавшую, и она сама постепенно вышла из употребления. Тогда же упразднили «ер» (Ѣ) на конце слова, потому что он превратился в бесполезный придаток и в буквальном смысле «только место занимал». Но и с ним произошёл конфуз. Реформу объявили внезапно, не продумав и не обеспечив своевременное распространение новых правил по всей стране. Слабая информированность «широких масс» не позволяла принимать «на местах» разумные решения. Прослышав о том, что «твёрдый знак теперь запрещён», печатники выбрасывали эту литеру (вме-

сте с «ятями» и прочим) из наборных касс. Из-за этого повсеместно появились написания с апострофом вместо разделительного твёрдого знака («об'явление»), хотя именно это новыми правилами не разрешалось!

Процесс перехода на новую орфографию осложнялся ещё и тем, что декрет А. В. Луначарского не велел переучивать граждан, владеющих прежними нормами письма. Но главные причины орфографических неурядиц состояли, конечно же, в социально-политической и экономической нестабильности страны. Только к концу 1920-х гг., когда в России прекратили существование частные издательские предприятия, частные СМИ, частные учебные заведения, у государства появились рычаги влияния на печатную отрасль.

Но всё равно перевести всю страну на новое письмо было трудно. Тем более, что в конце 1920-х гг. стали возникать проекты дальнейшего реформирования российской письменности. Среди предложений были весьма радикальные — например, полностью или частично перевести русское письмо на латиницу. Предлагалось упразднить ещё несколько букв и правил, связанных с их написанием, «сократить» удвоенные согласные, ввести дополнительные дефисные написания, разрешить свободный перенос слов... В 1929 г. была создана новая Орфографическая комиссия, которая должна была объединить и проанализировать все предложения по усовершенствованию правописания. Но работа фактически зашла в тупик. В итоге специальным документом за подписью секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина было предписано: «Ввиду продолжающихся попыток “реформы” русского алфавита..., создающих угрозу бесплодной и пустой растраты сил и средств государства, ЦК ВКП(б) постановляет: 1) Воспретить всякую “реформу” и “дискуссию” о “реформе” русского алфавита».

Для специалистов печатной отрасли в 1933 г. было выпущено два орфографических справочника — один в Москве (Шапиро А. Б., Уаров М. И. Орфография, пунктуация и техника корректуры. Справочник для работников печати), другой в Ленинграде (Технико-орфографический словарь-справочник / под ред. Н. Н. Филиппова). Трагикомизм ситуации состоял в том, что многие написания, бывшие в 1920-х гг. предметом дискуссий, оказались решены в этих справочниках по-разному, так что вместо удобного единообразия отрасль снова получила «разброд и шатание». Очевидной стала необходимость всё-таки «раз и навсегда» (или хотя бы надолго) упорядочить нормы правописания и опубликовать единый свод правил.

Работа над орфографическим сводом велась в Москве и в Ленинграде, но тормозилась по разным причинам, иногда далёким от чисто лингвистических. Негативную роль сыграли сталинские «чистки» и репрессии; страшный удар по печатной отрасли нанесла Великая Отечественная война, а после неё восстановление народного хозяйства виделось более приоритетной задачей, чем исправление приставок и суффиксов. Давно необходимый свод орфографических норм был наконец утверждён только в середине 1950-х гг. На основе его официального издания (Правила русской орфографии и пунктуации / утв. Акад. наук СССР, М-вом высш. образования СССР и М-вом просвещения РСФСР. Москва : Учпедгиз, 1956. 176 с.) был создан ряд справочников и учебных пособий различного читательского адреса и целевого назначения. Этими правилами мы пользуемся и сегодня.

Но после издания свода возобновились попытки улучшить отечественное правописание. Новый этап обсуждений начался с публикации статьи М. В. Панова «Об усовершенствовании русской орфографии» в журнале «Во-

просы языкознания» (1963. № 2). После этого в центральных газетах были помещены «Предложения по усовершенствованию русской орфографии», и они обсуждались уже не только «в верхах», но и буквально всей страной. Снова предметом дискуссий стали удвоенные согласные, дефисные написания, мягкий знак после шипящих («мыш») и твёрдый знак как таковой... Особенно памятно участникам этих обсуждений слово «заец» (новое написание предлагалось по аналогии с «боец» или «китаец»). И опять в процесс вмешалась политика: после смещения Н. С. Хрущёва (в октябре 1964 г.) количество неодобрительных отзывов на «Предложения...» заметно возросло, и в конце концов обсуждение сошло на нет.

Новый всплеск активности применительно к пересмотру норм правописания наблюдался уже в постсоветской России — в начале 2000-х гг., но до реформирования орфографии дело не дошло. Правила 1956 года формально не отменены, хотя по факту во многом устарели. В частности, изменились принципы написания многих имён собственных, особенно иностранных, сложных названий, заимствованных слов.

В августе 2020 г. председатель Правительства России Михаил Мишустин сообщил о создании правительственной комиссии по русскому языку, основной задачей которой станет «анализ действующих норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации и правил русской орфографии и пунктуации, а также их совершенствование». Предполагается, что комиссия для начала проведёт экспертизу существующих грамматик, справочников и словарей (орфографических и орфоэпических, этимологических, толковых и пр.). На основе наиболее точных и авторитетных изданий будет создан информационный портал «Нацио-

нальный словарный фонд». Этот электронный ресурс можно использовать в качестве «окончательного» — до тех пор, пока не появится обновлённый свод современных правил орфографии и пунктуации. Он тоже будет существовать в виде цифрового портала (не только с указанием норм, но и с отсылками к правилам, с разъяснениями, почему «надо так, а не иначе»). Не исключено, впрочем, что увидят свет и бумажные пособия для работников сферы культуры, информации, просвещения и пр.

* * *

Привычка некритически доверять любым источникам информации может сыграть с человеком недобрую шутку. Примером может служить полученное нами письмо с жалобой: *«Почему издатели нарушают грамматические нормы и остаются безнаказанными? У меня такое впечатление, что никто их даже не контролирует. Например, уже давно объявлено, что “кофе” должно быть среднего рода, но мне редактор в рукописи всё равно исправил на “кофе — он”. Это же нарушение закона!»*

Спешим успокоить «потерпевшего»: нет, это не редакторский произвол, не нарушение, а следование грамматической норме, которая не менялась. Дело в том, что, многие люди, к сожалению, восприняли «новость про кофе» из публикаций в массовых газетах или в интернете, где об этой новости рассуждали не профессионалы-филологи, а плохо обученные журналисты или просто малообразованные дилетанты, которые, как говорится, слышали звон, да не знают, где он.

Что «кофе среднего рода» включено в словари и, следовательно, стало нормой — это заблуждение. Чтобы его развеять, нужно понять, о каких словарях идёт речь.

«Кофе среднего рода» внесено в толковые словари. Поскольку в пуб-

личном пространстве, к сожалению, уменьшается доля хорошо образованных и грамотно говорящих людей, форма «моё кофе» стала слишком часто использоваться в речи, а значит — нуждается в «толковании», т. е. в разъяснении. Толковый словарь и разъясняет, что имеется в виду всё тот же кофе — тот же самый напиток, который нормативно по-прежнему называется существительным мужского рода. Средний род остался там же, где и был: в разговорном регистре, в просторечии, но литературной общеязыковой нормой не стал.

Нужно помнить, помимо прочего, что толковые словари и не устанавливают общелитературную норму, а лишь указывают на неё и обозначают допустимые отклонения. Чтобы узнать, какой вариант считается нормативным, следует обращаться к словарям и справочникам, названия которых начинаются с «орфо-». Орфографический словарь отражает нормы правописания, орфоэпический — нормы произношения.

* * *

Законопослушные издатели, выполняющие требования действующего законодательства об обязательном экземпляре, просят уточнения: *«Будет ли Книжная палата принимать книги, напечатанные по старым правилам?»*

Как выше было сказано, реформа орфографии, т. е. переход на какие-либо «новые правила», в ближайшее время нас не ждёт. Но если когда-нибудь такая реформа состоится, то РКП, конечно же, не откажется от «старопечатных» книг. Согласно действующему законодательству, в качестве обязательного экземпляра следует поставлять в РКП все печатные издания, выпущенные в России, на всех языках, по любым правилам. Это не просто слова, и при желании легко в этом убедиться. Каждый год в первом номере журнала «Библиография и книговедение» публикуется статистика печати

«РЕФОРМА ЯЗЫКА», «НОВАЯ ОРФОГРАФИЯ» И «КОФЕ СРЕДНЕГО РОДА»: ЧТО ПРОИСХОДИТ НА САМОМ ДЕЛЕ?

за истекший (завершившийся) год — основные таблицы с комментариями специалистов. Из соответствующих таблиц можно узнать, сколько книг на русском и на других языках публикуется у нас в стране и попадает в качестве обязательного экземпляра в РКП. Согласно незыблемым правилам, действующим в Книжной палате уже бо-

лее ста лет, статистика печати ведётся исключительно по принципу *de visu*, т. е. в таблицы и базы данных попадают только те экземпляры, которые физически присланы в Книжную палату. Так что РКП и впредь будет обрабатывать все поступающие обязательные экземпляры. Лишь бы издатели не «забывали» присылать их!

Мария Евгеньевна Порядина

Российская книжная палата, научный работник научно-исследовательского отдела государственной библиографии и книговедения, Россия, Москва, e-mail: m.poryadina@mail.ru

Maria Yevgen'evna Poryadina

Russian Book Chamber, researcher of the research department of state bibliography and bibliography, Russia, Moscow, e-mail: m.poryadina@mail.ru

Курьер

■ Председатель Правительства Российской Федерации М.В. Мишустин освободил от должности руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (Роспечать) М.В. Сеславинского (распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. №1053-р).

Комментируя это решение, Михаил Мишустин отметил, что Михаил Сеславинский отдал медиа почти четверть века: «Личные и деловые качества Михаила Вадимовича в сочетании с доскональным знанием отрасли все эти годы обеспечивали её стабильное и устойчивое развитие».

Распоряжением Правительства РФ от 21 апреля 2021 г. М.В. Сеславинский награждён медалью А.П. Столыпина I степени. Она присуждается за заслуги в решении стратегических задач социально-экономического развития страны.

20 ноября 2020 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал Указ «О совершенствовании государственного управления в сфере цифрового развития, связи и массовых коммуни-

каций». В соответствии с ним функции Роспечати переданы Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций.

В настоящее время завершился переходный период, налажена текущая работа, запущено финансирование господдержки электронных и печатных СМИ и книжных издательств.

Михаил Сеславинский, переходящий на работу в частный бизнес и завершивший свою деятельность в структуре правительства, куда он пришёл в качестве руководителя Федеральной службы по телевидению и радиовещанию в 1998 г., выразил коллегам и соратникам слова искренней признательности за совместную работу на протяжении долгого времени.

«В Федеральном агентстве по печати и массовым коммуникациям я оставил частичку своей души, но уверен, что мы успели многое сделать для развития медиаиндустрии и книжной отрасли», — отметил он.

Михаил Сеславинский в 1998–1999 гг. руководил

Федеральной службой по телевидению и радиовещанию, позже занимал пост статс-секретаря — первого заместителя министра по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Роспечать он возглавлял с момента её образования в 2004 г. На протяжении 16 лет ведомство обеспечивало государственную поддержку крупнейших российских газет, журналов, информационных агентств и телекомпаний, занималось разработкой государственной политики в области печатных СМИ, телевизионного и радиовещания. В 2020 г. при непосредственном участии Роспечати Правительство выработало специальные меры поддержки медиаотрасли в условиях распространения коронавирусной инфекции. Деятельность в области СМИ, книгоиздания и производства печатной продукции была внесена в перечень наиболее пострадавших отраслей российской экономики. В условиях коронавируса и связанных с ним ограничений российские медиа успешно продолжали работу.